

Дорогие друзья! Приветствую вас любовью Господа нашего Иисуса Христа. Как пастор уже меня представил, я Белоус Татьяна Михайловна, в девичестве Анисимова. Верующая с 16,5 лет. На 17-м году Господь мне открылся. Выросла я в семье офицера-пограничника. Папа мечтал о мальчике, получилась девочка. Воспитывали меня, как мальчика. К 17 годам я была мастер спорта по баскетболу и мастер спорта по мотокроссу. Стреляла из всех видов личного оружия. Где-то метко, где-то не очень, но стреляла. Все было прекрасно, все было замечательно, отличница боевой политической подготовки, парт-секретарь курса, все весело, все замечательно. Вызывают меня в партком перед пасхой и говорят, что надо написать статью в многотиражку о поповском мракобесии. Я говорю: “Это как?” - “Ну, о том, что Бога нет. Ты можешь написать: “Бога нет”?”. Я говорю: “Бога нет”. “Нет, - говорят, - статью надо”. Ну, ладно, партия сказала: “Надо”, комсомол ответил: “Есть””. Я иду писать статью, и я не знаю, с чего начать. С папой мы были большими друзьями. Со всеми своими вопросами я обращалась к папе. Я спрашиваю: “Папа, с чего начать?”. Он говорит: “Если можешь, откажись от этой статьи. С Богом не шутят, дочка. Говорю тебе, как фронтовик”. Я говорю: “Папа, ты что? Я не могу отказаться”. “Ну тогда, - говорит, - надо первоисточник”. А что может быть первоисточником? Когда я писала политические статьи, я знала: первоисточник - Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ильич Ленин. Все четко и ясно. А здесь - какой первоисточник? И отец сказал: “Библия”. Библия? Ну, ладно, а где ее взять? “Попробуй, - говорит, - в церкви”. Я пошла в одну, другую православную церковь. Батюшки даже говорить на эту тему не стали. Ни с чем я вернулась и попросила папу помочь мне. Он достал пропуск в библиотеку им. Горького, где из запасника мне выдали Библию.

Я впервые держала в руках эту книгу. Это был прекрасный фолиант старинной работы в кожаном переплете с двумя застежками. Я так смело его открыла. Ну, еще первую главу я осилила: “Сотворение мира”. Это было довольно интересно, но непонятно, и я готова была спорить - все-таки Дарвин доказал происхождение человека. Но, когда я дошла до главы, кто кого родил, дальше я уже не продвигалась. Я говорю: ну, неужели я такая глупая, что мне не дается? Да, старославянский шрифт, я списывала на это, конечно, старославянский шрифт. Но я листала, листала, листала Библию, пока не открыла Деяния апостолов, и читаю: “Савл, Савл, доколе будешь гнать Меня?”. Думаю: интересно, кто это Савл? И слышу: “А ты, Татьяна, доколе будешь гнать меня?”. Я растерялась, оглянулась по сторонам - в этом маленьком зале только библиотекарь. Она удивленно смотрит на меня, и я ее спрашиваю: “Что Вы сказали?” Она говорит: “А что Вы услышали?” - чисто по-английски - на вопрос вопросом. Думаю: нет, раз она так спросила, значит, со мной что-то не в порядке. Я говорю: “Ничего”, и так тихонечко думаю: надо с этим разобраться. Каюсь, друзья, я вырвала лист из Библии. Я его вырвала и спрятала в рукав блузки, а Библию закрыла и отдала. Говорю: “Нет, нет, я больше не буду. Не буду работать, не хочу”. Мне было страшно. Мне никогда так не было страшно, друзья. Никогда.

Я вышла из библиотеки и думаю: нет, вот этот воздух, это небо, все прекрасно, все замечательно, это мне просто показалось. И опять слышу: “Доколе гнать будешь меня, Татьяна?”. Я начала озираться по сторонам. Люди идут по сторонам, они идут по своим делам, никто не обращает на меня внимания. Ужас охватил меня. Спрашиваю: “Ты кто?” - “Я Бог твой” - голос был властный, печальный и любящий. Я говорю: “Я тебя не знаю” - “Потому и гонишь, что не знаешь”, - ответил Господь.

Я решила, что у меня начинается какой-то психоз. Я все-таки врач. Я училась на врача, училась в мединституте, отличница. Думаю: так, надо на кафедру психиатрии, все-таки

помогут. Потом думаю: да, и сразу скажут: “шизофрения”. Нет, не пойду на кафедру психиатрии. Вот в таком состоянии я бегу домой. Потом думаю: нет, надо все-таки в церковь - статья-то не получается. Надо поговорить с батюшкой, рассказать ему. Нет.

Я в таких была сомнениях. Увидела храм. Зашла в него, и батюшке начала высказывать, но батюшка не понял меня. Он меня выгнал. Он сказал: “Или кайся, или уходи отсюда”. Но я предпочла встать на колени, и говорю: “Только я не грешная. Мне не в чем каяться. Мне совершенно не в чем каяться. Я не грешила”. Батюшка ответил: “Безгрешных нет ни одного”, - он накрыл меня стихарью - “Повторяй за мной молитву грешника”. Я начала повторять за ним молитву грешника, и после каждого слова я говорила: “А я не грешила, этого не было”. В конце-концов батюшка схватил меня за шиворот и вытащил из церкви, и сказал: “Уходи, безбожница, отсюда. Ты пришла развращать народ Божий”. Обидно. Больно. Отсюда меня выгнали. Иду домой. Пока я дошла домой, папе уже, видно, сообщили. Знаете, особый отдел работал очень хорошо. И папа сказал: “Дочь, ты хочешь, чтобы я пошел в лагерь, и твоя сестра осталась сиротой, и ты?”. Я говорю: “Нет, папа, я не хочу” - “А зачем ты пошла в церковь?”. Я говорю: “Ну, как, мне нужна Библия”. Папа взялся за голову: “Ей Библия нужна. Уходи”, - говорит, - “Уходи. Пусть хотя бы все образуется”.

Иду я по улице и плачу. Еще утром у меня была семья, был дом, был институт. Все у меня было, а теперь у меня уже ничего нет, спасибо Тебе, Господи... Ответа нет. Думаю: ну вот, значит моя “крыша” на месте, мозги у меня в порядке, будем образовываться. Иду, плачу, сам себя жалею. Когда поняла, что я зашла на окраину Одессы, район Слободки. И вижу, как начался дождик морозящий, дело к вечеру уже - апрель месяц, это перед пасхой, перед вербным воскресеньем. Мне стало холодно. Я стала озираться: где-то, может, знакомое место, где-то, может, в кафе зайти погреться. И вижу, что в какой-то двор заходят люди - не как на гулянку и не как на похороны. Они шли степенно. Женщины в платочках. Такие чистенькие. Такие красивые. Такие спокойные и радостные были лица у них, что мне захотелось побыть возле них, возле этих спокойных людей.

Я пошла за ними. Зашла во двор. Вижу, как они заходят в дом, спускаясь на несколько ступенек. И я пошла за ними. Думаю: ну, выгонят, так выгонят; а вдруг не выгонят - так я согреюсь; посмотрю, что это такое.

Зашла и увидела: на скамеечке сидят мужчины и женщины, разных возрастов, и дети, и старики, и поют. Они так красиво пели. Они так красиво пели. “Слышишь ли ты голос Божий”, - они пели. Думаю: это же про меня, мне же Бог говорил. “Нежно так тебя зовет”. Я себе думаю: ничего себе, нежно. И опять слышу, как Он меня спрашивал: “Доколе будешь гнать Меня?”.

Я тихонько села в уголочек и замерла. Шла служба. Когда закончилась одна проповедь, ко мне подошел проповедник, который проповедовал, и он спросил: “Деточка, а ты к кому пришла? Что ты делаешь здесь?”. Я растерялась и говорю: “К Богу”. “Тогда, - говорит, ты пришла по адресу”. Слава Богу! Служба продолжалась. Еще были два проповедника. Еще были песни, псалмы. Я тогда не знала слова “псалмы” - песни. Но они были все про меня. Мне так было хорошо. И, когда пастор провозгласил, желает ли кто заключить завет с Богом, покаяться... Опять покаяться? Но, если уже второй человек мне говорит, что надо каяться, значит, надо каяться. И я вышла вперед. Меня ноги вынесли вперед. В этот день Господь нашел меня. А я нашла Господа. Я стала членом этой церкви - общины христиан веры евангельской - пятидесятников. Все наладилось. Пастор поехал со мной домой. Все разъяснилось. Вскоре меня

восстановили в институте. Еще через несколько месяцев я приняла святое водное крещение. Господь крестил меня Святым Духом. У нас было все замечательно.

Прошли годы. Господь даровал мне замечательного мужа. Родились пятеро детей: три мальчика и две девочки. Одна незадача: муж неверующий. Он добрый человек. Он возит меня в церковь, а сам сидит в машине за дверью. Я обращаюсь к пастору, а он говорит: “Сестра, не трясى дерево, пока плоды зеленые. Как созреют, войдет”. Молю Бога о том, чтобы скорее созрел мой муж. Наступил момент, когда он тоже покаялся, стал готовиться к водному крещению. Он принял водное крещение.

Видение небес.

Головные боли. Сильные головные боли. Я это объясняла тем, что я писала диссертацию, переутомление, пятеро детей. Муж моряк, капитан дальнего плавания, он постоянно в море. Это переутомление, - говорила я себе, - это переутомление. Но обезболивающие не помогали, и я решила обследоваться. Когда я начала обследование в отделение нейрохирургии, мне предложили сдать анализы в онкологию. Тогда уже у меня сердце тревожно забилося. Приговор был: саркома.

Саркома. Я умирала. Я умирала от рака. Я побежала в церковь. Я стала спрашивать, что мне делать, и Господь благословил операцию. Как муж свидетельствовал, ему Господь сказал: “Жива будет”. “Жива будет” - и он остался в этой вере “Жива будет”.

Положили меня в больницу, стали готовить к операции. Братья и сестры в церкви молились. Все шло своим чередом. Наступил операционный день. Меня на каталке завезли в операционную, положили на стол. Начали давать наркоз. Следующее, что я помню: я в операционной, нахожусь где-то наверху под потолком, смотрю вниз и наблюдаю за тем, что происходит и думаю: кого это оперируют, и почему такая неудобная позиция у меня; надо встать рядом с хирургом.

Когда я встала рядом с хирургом, я увидела, что оперируют меня. Это моя голова разрезана. Я посмотрела на себя - я стою рядом. Друзья, когда человек покидает эту хижину, вот это тело брэнное, он выходит, как из старого дома, который ему больше никогда не нужен, потому что у него есть есть новый, лучший дом. Мне не было жалко этого тела. У меня было даже какое-то немного брезгливое отношение к нему. Я стала говорить: “Не надо. Не надо. Зачем вы это делаете?”.

Никто не слышал. Анестезиолог говорит: “Пульс падает, пульс падает, давление падает. Мы ее теряем”. Началась реанимация. И вот в тот момент, когда хирург командует: “От стола. Разряд”, я чувствую, что меня, как канатом, дергает в это тело вернуться. Я не хочу. Я не хочу, я упираюсь. “Мне не надо, - я им кричу, - мне не надо оно, это тело”. Меня не слышат. Наконец, врач говорит: “Поздно. Все. Мы ее потеряли. Надо выйти и сказать родным”. Я говорю: “Да нет, я живая”. Но меня никто не слышал. Я это поняла, что они меня не видят и не слышат. Вместе с хирургом я вышла из операционной.

В конце коридора на коленях стоял мой муж и молился. Он воздевал руки к небу и просил Бога о милости. Я подошла, погладила его по щеке и сказала: “Дорогой, я жива. У меня ничего не болит. Мне так хорошо”. Он меня не услышал. Он поднял голову, посмотрел по сторонам и не увидел меня. Не увидел. И я слышу, как хирург произносит: “Мы сделали все, что могли. Она ушла”. Муж оттер слезы с лица и сказал:

“Нет. Мне Бог сказал: она жива и будет жить”. Хирург оглянулся на операционную бригаду и сказал: “Ну нет, поговорите сами. Мне только сумасшедшего сейчас не хватает”. А он говорит: “Да нет, я не сумасшедший. Я Вам действительно говорю: она жива и будет жить”. Я не стала слушать, что происходило дальше, повернулась и собралась выйти из этого коридора.

Когда я стала выходить, я увидела, что я вышла не в другой коридор и не на лестницу, а в такой тоннель. Там было темно. Думаю: куда я зашла? Надо вернуться назад. И тут я увидела свет. Он был выше, этот свет. И я пошла на этот свет. Идти было тяжело. У меня ноги вязли, как если бы я шла по перине, от которой тяжело оттолкнуться. А со всех сторон начали раздаваться голоса: “Вернись, скажи людям. Вернись, еще не время. Вернись”. Куда возвращаться? Туда, где больно? Туда, где грязь? Не хочу. Не хочу. Мне Господь сказал, что я Его дитя. Моя душа осознала, что тело ей больше не надо, что началась другая жизнь - легкая, свободная. И с этим сознанием свободы я выпала из этого тоннеля. Это было потрясающе.

Для того, чтобы вы, друзья поняли, какая эта свобода, легкость, радость, вспомните себя маленькими. Когда вы прыгали на маминой кровати, подпрыгивали все выше, радовались и смеялись. Не надо вспоминать, как потом вас ругала мама. Но этот момент полета и радости, и свободы умножьте многократно, и вы поймете это ощущение счастья.

Когда первый восторг прошел, я стала озираться по сторонам и увидела, как ко мне приближается сгусток света. Он был прекрасен, и становился все ярче по мере приближения. В этом сгустке я увидела очертания человека с развивающимися одеждами. Почему развеваются одежды, если ветра нет? - подумала я, но не стала задумываться, потому что решила, что это приближается Христос. Когда он приблизился ко мне настолько, что я могла рассмотреть его лицо, прекрасное восхитительное лицо, я упала на колени, простерла к нему руки и сказала: “Господи, слава Тебе! Я пришла к Тебе, Господи”. Он отступил назад и сказал: “Встань и не делай этого. Я не Христос”. Я говорю: “А ты кто?” Ну кто еще может быть так прекрасен? “Я ангел. Я посланник”, - ответил он. Я говорю: “А я хочу к Христу. Я хочу к Господу” - “А зачем ты пришла? - сказал ангел, - Разве ты не слышала голосов?” - “Я слышала, но я хочу к Господу. Я не хочу возвращаться”. “Хорошо, - сказал ангел, - Ты предстанешь пред Христом. Следуй за мной”.

Я повернулась следовать за ним. Когда я повернулась следовать за ним, я увидела то, на что до сих пор не обращала внимание: откуда я вышла. А вышла я из завесы. Темная, грязная завеса, как грязный туман. Он непроницаемый. Мне даже казалось, что можно выпачкаться об него. Я посмотрела, но на мне не было грязи. И в этот момент из этого тумана вышел человек. Потом я заметила еще, и еще одного. Я повернулась в другую сторону, но и оттуда, из этой завесы, из этого тумана выходили люди. И они шли куда-то вперед и вверх. “В вечность” - пронеслось у меня в голове. И вдруг из тумана выскочил совершенно голый человек.. Grimаса ужаса была на его лице. Друзья, каждый раз, когда я вспоминаю это лицо, мне становится не по себе. Оно застыло в немом крике. Он уже не мог кричать. Он пытался вырваться. Но безобразные лапы схватили его за плечи, за бедра, за голени и втянули назад. В этом немом вопле он исчез в тумане.

Я была настолько поражена, что остановилась. Ангел почувствовал, что я не слеую за ним, и оглянулся. Он спросил меня: “Почему ты не следуешь?”. Я говорю: “Кто это?” Он говорит: “Это?” Мы увидели, как еще несколько людей вышли и пошли. Ангел

говорит: “Это дети Божьи. Они идут навстречу с Создателем”. “А почему они одни идут? А за мной ты пришел? Почему за ними не пришли?” - “Потому что ты вернешься”, - сказал ангел. Я говорю: “Я не хочу”. Ангел проигнорировал мое “не хочу”.

Тут опять выскочил голый человек, на этот раз женщина. Я говорю: “А это кто?”. Я почувствовала, что я как прилипла на этом месте. Я не могла сдвинуться, я была поражена. И ангел ответил: “Это те, которые пытались спастись своими делами. Они не приняли Христа как личного Спасителя. Они думали, что своими делами могут спастись. Они пытаются прорваться на небеса, но грехи их тянут вниз”. Я говорю: “И где они будут?”. “Ты увидишь”, сказал ангел. Я говорю: “А почему они голые?” - “Они лишены славы Божьей. Одежда праведника - слава Божья”, - ответил ангел. Я быстро посмотрела на себя. Я одета. Аллилуйя! Слава Богу! На мне была одежда! Я не была голая! Слава Господу!

Мы возобновили движение. Ангел немного впереди, я за ним. Друзья мои, теперь, когда я оттуда вернулась, я поняла слова Христа: “У Отца Моего обителей много. Но, если бы даже и не так, то иду приготовить вам место”. Он приготовил эти места. Он приготовил. Друзья, то, что вы видите здесь на земле красивые цветы, слышите пение птиц - это слабенькая копия того, что нас ждет на небесах. Яркость зелени, как яркость изумруда. Свет, который лился отовсюду, - это голубое золото, это было восхитительно. Там были все цвета, даже более, чем спектр радуги. Оно все переливалось. Там не было только одного цвета - черного; его я не видела нигде.

Мы двигались все выше и выше. Я восхищалась каждым местом, которым мы проходили, а потом подумала: “Откуда свет? Солнца же нет. Мы где-то выше”. Когда я это подумала, я увидела, что трон Божий освещает эти места, и вспомнила Писание: “И трон Господень освещает небеса, и не нуждаются они ни в свете солнца, ни луны”. Аллилуйя! Так вот оно как происходит!

Я была переполнена чувствами, но мне надо было двигаться за ангелом. И, когда я собралась его остановить, я увидела, что мы стоим у подножия Трона. Я поняла, что это подножие. Я поняла, что это было очень красиво. Это было прекрасно. Я еще раз повторю: это было прекрасно. Это было замечательно. Трон Божий сделан из какого-то вещества, которое было похоже на слоновую кость, усыпанную бриллиантами и изумрудами. Камни перемежались в определенной последовательности, и они составляли такие узоры - диковинные узоры, потрясающе красивые. Но даже они не смогли отвлечь мое внимание от одежды, которая закрывала ноги Господни. Я хотела посмотреть в лицо Господу. Только у меня пронеслась эта мысль, как ангел положил мне руку на голову и повернул вниз. Я упала на колени. Я ему говорю: “Пусти. Пусти, я хочу видеть лицо Бога своего”. Ангел ответил: “Никто из живущих не видел лица Бога. Кто видел Христа, тот видел Отца. Кто видит Отца, тот видит Христа”, - сказал ангел. Я говорю: “Я не видела лица Христа. Я хочу видеть лицо Отца”. “Ты вернешься”, - сказал ангел. Он не спорил со мной.

И тут я услышала тот голос. Тот голос, который, много лет назад проговорил ко мне в библиотеке. Он меня спросил: “Что ты сделала для Меня?”. Я растерялась от этого вопроса. Я ожидала какой угодно вопрос, но только не это. “Что ты сделала для Меня?” - спросил Господь. Я сказала: “Я молилась. Я молилась, Господи. Я постоянно тебе молилась”. И тут я заметила то, чего до этого не видела: что рядом с Троном стоят два ангела. Они держат свиток. Один ангел держит, раскручивает. А второй растягивает

полотнище, и я на этом полотнище вижу, как на большом широкоформатном экране, объемно, - себя, читающую Библию. Я держу Библию на коленях и читаю: так, “только живите достойно” - ага, это я знаю; “и не страшитесь” - не страшусь - “противников” - хорошо. Конец главы, все. Я пошла поднимать детей. Мне было стыдно. Я читала выборочно Библию, то, что мне нравилось, при этом совершенно не задумываясь о том, что там написано. Я все время помнила, что время идет, что мне надо поднять детей, накормить их завтраком; одних отправить в школу, других отвести в садик, а самой идти на работу. Все это проносилось в голове, когда глаза мои читали Библию.

Господь сказал: “Ты молилась?”, и я увидела свои молитвы в этот момент: “Дай, Боже. Сделай, Боже. Помоги, Боже”. И Господь давал, делал и помогал. И ни одной благодарственной, разве что в церкви. Когда все благодарили, когда пастор призывал: “Поблагодарим Господа”, тогда и я благодарила, но так, в общем. “Ты сделала Меня слугой, - сказал Господь, - А Я говорил тебе через Слово. Ты не слышала Меня, хотя и читала. Написано: “Исследуйте Писания”. Исследуйте. И, если бы ты исследовала Писания, то ты слышала бы Мой голос”.

“Господи, прости меня. Господи, прости меня, - я как ребенок залепетала, - Я больше не буду”. Господь не ответил мне ничего, потому что я прощена уже за это Голгофской Жертвой. Но: “Что ты сделала для Меня?” - спросил Господь.

У меня пронеслось в голове: когда я читала Библию, значит, я читала для себя - Господь мне говорил. Я молилась, и Он мне давал. Я просила - Он отвечал, Он мне давал все. А, действительно, **что я сделала для Бога?** Прости меня, Боже, прости” - я начала плакать. У меня полились слезы, как горошины. Господь взял меня за голову. Он оттер пальцами мои слезы и сказал: “Не плачь, дитя. Прощены грехи твои Сыном Моим на Голгофе”.

Я увидела Голгофу. Господь открыл Землю, и я увидела Голгофу. Друзья, то, что я увидела, повергло меня в ужас. Среди кричащих “Распни”, была я. Это я кричала: “Распни Его”. Это я неистовствовала внизу, повторяла: “Распни, распни, распни Его. Варраву оставь”. Я говорю: “Как же так? Ведь это невозможно. Это невозможно - две тысячи лет назад меня еще не было в этом свете”. И Господь ответил: “Грех твой был тогда. Каждый раз согрешая, ты распинаешь Его”.

Представьте себя, друзья, когда вам говорят: “Убийца”, и не просто убийца, а Бога убийца. Наверное, если бы я была на земле в теле, от безысходности это тело рассыпалось бы в прах. Но Господь утешил. Он сказал: “Слушай”. И я услышал, как Господь увещевал, успокаивал блудницу: “Прощаются грехи тебе. Иди и впредь не грешь”. Не буду, не буду, не буду я впредь грешить. “Это хорошо, - сказал Господь, - что ты это осознала. А теперь ты вернешься” - “Да, Господи. Да, я вернусь”. “Смотри, - сказал Господь”.

Я увидела - небо расступилось, я увидела всю Землю, “от края и до края”, как пишет Библия. Я прекрасно знала, что Земля круглая, что карты составляются в меркаторской проекции. Я все это знаю, но то, что я увидела, даже Меркатор не мог себе представить этого, составляя свои карты. Я увидела не только всю землю одновременно, я увидела каждого человека. Крыши на домах были как бы сняты. В одних домах спали, в других гуляли, в третьих работали. Каждое слово записывалось или ангелом, или демоном, следующим за человеком. Каждая мысль она высвечивала, как экран, и ее записывал или ангел, или демон.

Лица. Лица были безобразные. Было столько безобразных лиц, что невозможно было не ужаснуться. Я говорю: “Господи, как же так? Я ведь только что была на Земле, я не видела столько ужасных лиц. Я не видела столько ужасных лиц. Почему они так ужасны? Что произошло? И Господь сказал: “Ты видела только их оболочку, их тела. А сейчас ты видишь сущность - то, что они из себя представляют. Вернись и скажи людям: “Время кончается. Я при дверях. Покайтесь”. - “Да, Господи. Да, Господи. Я вернусь и скажу. Я скажу, что время приблизилось. Я скажу, что Ты при дверях. Я скажу, чтобы каялись”. “А сейчас ты увидишь то, что немногие видели”, - сказал Господь.

Ангел взял меня за руку, и мы стали удаляться от трона Господня. Мне не хотелось уходить с того места. Там было так хорошо. Но мы стали спускаться ниже. Я увидела прекрасный город.

У него были не одни ворота, но те, к которым мы приближались, они были из цельной жемчужины. Они открылись, как створки. Это были две цельные изумительные жемчужины. Они переливались всевозможными цветами. Они были так прекрасны, так теплы и так нежны, что хотелось вечно стоять и смотреть только на них. Когда они открылись, я увидела этот небесный град. “Иерусалим?” - подумала я. И ангел сказал: “Да. Небесный Иерусалим”. Улицы золотые. Я не знаю, может, это не металл-золото, потому что эти камни мостовых были как шлифованное золото высшей пробы. Они были так красивы. Отвести глаза было невозможно.

Я всегда мечтала съездить в Париж и посмотреть собор Парижской Богоматери, потому что его включили в одно из чудес света. Это произведение искусства. Но я его увидела на небесах. Только еще прекраснее. И я вспомнила, что и Соломон видел в видении храм. Я поняла, что зодчие на земле, которые любили Бога, им Господь показывал то, что ждет нас на небесах, и они пытались повторить эти копии. Без благословения Божьего они не могли создать такой красоты на земле. Но это было только копией, потому что там оно еще прекраснее.

Я хотела войти в город, но ангел произнес: “Ничто нечистое не войдет в него”. Я посмотрела на свои одежды и увидела несколько пятен. Я не знала, откуда они взялись, я их до этого не видела, но они были. Они были. И ворота закрылись. Я сожалела. Я сожалела, что не рассмотрела все подробно. Но я не могла возражать. Мы шли дальше.

Мы шли дальше по прекрасной дороге. Плоды на деревьях. Дерево цветет, вяжутся плоды и зреют. Это все одновременно на одном дереве. Когда я протянула руку, ветка нагнулась, и плод оказался в моей руке. Я не знаю, как он называется этот плод, его и нет на земле. Но он был ароматен. Я вдыхала этот аромат. И, что странно, - голода у меня не было, и я не хотела его откусить. Но это я поняла потом, что я не хотела его откусить, тогда мне это даже в голову не приходило. Просто я вдыхала этот аромат и пела хвалу Богу. Пела хвалу Богу, и я увидела, как с земли поднимаются тоже цветы. Цветы были разные. Они были всевозможные. И они куда-то поднимались. Я говорю: “Куда эти цветы взлетают?” “Это, - говорит, - хвала Богу. Она несется с Земли, преобразается в цветы и сплетается в венок, и ложится на колени Господу”. Опять я увидела Землю и поющих, и хвалящих Господа. Это были песнопения. Это были песнопения! Я всю жизнь мечтала славить Бога, иметь красивый голос. Я просила у Господа: “Господи, дай мне красивый голос, чтобы я могла петь в хоре. Дай мне слух хотя бы, чтобы я слышала правильную музыку”. Господь мне не отвечал, и только там, на небесах, я поняла, почему. Он велик в многообразии. И мое пение, и моя хвала - да,

очень скромненьким цветочком взлетали, но когда они вплетались в венок, дополняя его, глаз отвести невозможно было. И это ложилось на колени Господу, и Он благословлял.

Я уже стала удаляться, повернув голову назад. Ангел одернул меня, сказав: “Смотри вперед, а не назад”. И когда я еще раз в своем непослушании попробовала повернуть голову, я там уже ничего не увидела, потому что там был яркий свет, сквозь который было трудно что-то рассмотреть. Но я уже хвалила Бога. Я радовалась. Я поняла: не нужен мне тот красивый голос. Кому-то Господь дал хвалить Его красивым голосом, пусть хвалит. У кого нет красивого голоса, пусть хвалит тем голосом, который ему дан от Господа. Богу это приятно. Это приятно.

Благоухание хвалы. Я не заметила, куда делся плод из моей руки, но я не сожалела, потому что дальше пошли места еще красивее, еще интереснее. Мы вышли на опушку леса, где деревья - каждый листочек хвалил Бога. Он звенел малиновым звоном и хвалил Бога: “Осанна. Осанна в вышних Небу”. Все радовалось.

Я увидела море. Стекло море, как у Иоанна. Но стекло - это не то оконное стекло. Это даже не хрусталь. Это еще более прозрачное, красивое, как вода. Я говорю: “Там, что, есть рыбы?” Ангел говорит: “Это место для невесты. Жених приготовил место для нее”. Как, наверно, это красиво - церковь - невеста Божья - на этом стеклянном море. Мне так захотелось там остаться и подождать церковь. Но ангел сказал: “Гордыня твоя может погубить тебя”. Я опять устыдилась. “Господи, прости меня”, - шептала я.

Мы шли по траве, которая помогала идти. Не было никакой усталости. Ноги утопали во влажной, нежной такой травке, которая ласкала ступни, и я ощущала легкость от этого. Легкость во всем, праздник и радость.

Увидела красивый домик. Я его всегда сравниваю с пряничным домиком, потому что мой бедный разум не может найти ничего более красивого для сравнения. Мне захотелось войти в него. Я спросила: “Кто там живет, в этом домике? Он обитает?” “Сейчас ты увидишь”, - сказал ангел и опять крепко взял меня за руку.

Мы подошли к этому домику. Вошли. Была красивая комната. Она была залита таким матовым светом. Этот свет был живым. За подобием стола сидел человек и что-то делал. Это что-то - его нет на Земле. Но то, что он что-то создал и радовался - это было видно по нем. Он тоже пел псалом. И я знаю этот псалом - его пели в церкви неоднократно:

“Бог имеет право на славу.

Слава Богу! Слава!

За все Ему слава!”

Я заслушалась этим пением. Когда человек повернулся, я увидела своего отца. Но я увидела не того старика, который умер. А я увидела молодого мужчину 25-30 лет. Когда он оглянулся, он увидел меня и очень удивился. Это был мой папа. Мой любимый папа. Он сказал: “Танечка! Тебе же рано”. Ангел вытянул руку, направил ее и сказал: “Она вернется”. И папа отступил. А мне так хотелось его обнять. Но ангел крепко держал его за руку и сказал: “Нам пора”. Папа только попросил: “Скажи маме. Ты вернешься. Скажи маме все, что ты здесь увидишь”. В тот момент моя мама была еще непокаянная. Она была мирским человеком. Как мне не хотелось уходить с того места. Два места было, с которых я не хотела уходить - это у подножия трона Божьего и из обиталища моего отца. Я говорю: “Папа. Но почему ты здесь, а не возле Господа?”

И отец сказал: “Благодари, дочка, Господа. Я как головня, выхваченная из огня. Хвали Его за то, что я не там, куда ты сейчас пойдешь, а здесь, и я счастлив”.

Я вспомнила, как умирал мой отец. Он покаялся, он призвал буквально за 15 минут до смерти пресвитера. Он покаялся. О чем и как они говорили, в чем каялся мой отец, знал Господь и знал пресвитер. Пресвитер вышел и сказал: “Он заключил завет с Богом. Слава Господу!”. Мы тоже произнесли славу Господу, но мы думали об умирающем отце с сестрой, побежали в палату. Папа широко раскрыл глаза, очень удивленно, и сказал: “Я жив. Жив! Жив!” С этим словом он ушел. Он умер для Земли. Мы не знали, куда он пошел. А он хотел оповестить, что он был мертв, живя во плоти, и только теперь он жив. И я свидетельствую. Я свидетельствую: он жив. Жив милостью Божьей. Он жив.

Но надо было идти. Так, постепенно двигаясь, я уже не рассматривала все по сторонам. Впечатлений было вполне достаточно. Я думала об отце своем - какое это счастье. Я знала, что еще немного, скоро я опять с ним встречу, что земное время бежит очень быстро. Сколько бы я не оставалась на Земле, в конце-концов я все равно с ним встречу на небесах. Аллилуйя! Аллилуйя! Слава Господу!

Видение ада.

И вот, пребывая в тех же мыслях, мы приблизились опять к той же завесе из грязного тумана. Мы переступили эту завесу, и в лицо ударил смрад. Жар. Дышать стало нечем и очень тяжело. Вы можете себе представить тухлое горелое мясо, тухлые яйца, сера, и все это в ужасном зное и сухости. Мы переступили черту ада. Это ужасно. Это было ужасно даже на том месте, где я стояла. Дышать было невозможно. Там нет воды. Там сухость такая, что у меня сразу заболела гортань.

Ангел взял меня за руку, и я почувствовала свежесть. Я уже не отпускала ангела. Я уже сама за него держалась.

То место, куда мы попали, первый круг, там находились люди. Они были в каком-то замкнутом пространстве. Они металась из стороны в сторону. Над ними было открытое небо, и они видели - они видели рай. Они видели то, откуда мы пришли с ангелом, но они не могли туда перенестись. Они тянули ко мне руки, они просили о помощи. Тот, кто изнемогал, пытался присесть. На него вскакивали какие-то зверьки безобразные - такие демонята. Они их кусали, они, чтоб только не останавливалась эта несчастная душа, чтоб она не останавливалась, чтоб она металась от одной стены к другой. Они воздевали глаза к небу, и опять они молили о помощи. Они только не могли призвать имя Господне - им это было запрещено. Я спросила ангела: “Кто это?” Говорит: “Это те, которые ждут суда. Они придут на суд, и, может быть, предъявив свои дела, будут оправданы; может, и нет; потому что нет иного имени для человека для спасения. Они упустили свой шанс на земле”.

Я говорю: “А, может, там на Земли будут за них молиться, и это поможет?”. И ангел напомнил мне слова Писания: “Молитесь, пока живы, а потом конец”

Удрученная, я стала удаляться с того места и увидела другое. Это был как большой гигантский

аквариум. Друзья, я не могу об этом умолчать, потому что до сих пор, когда я вспоминаю то, что я увидела, у меня волосы становятся дыбом и мурашки идут по коже. В этом аквариуме, заполненном газом, находились человеческие зародыши. Как они кричали. Как они кричали. Это было ужасно. Они кричали: “Не убивай. Не убивай, мама. Не убивай меня. Не убивай, мама. Я хочу жить. Я буду тебя любить, только не убивай. Я растерялась и чувствую: как в смолу встала - не могу идти дальше. Спрашиваю ангела: “Что это значит?”. А он говорит: “Это жертвы аборта. Души, которые должны были прийти на землю, исполнить волю Божью и вернуться к Богу. Но их убили, не дав им еще родиться. Они будут свидетельствовать о своих родителях. Они явятся на суд и будут свидетельствовать о своих родителях”.

И тут я увидела, как один из этих зародышей исчез. Потом еще, потом еще. Я говорю: “А куда они исчезают? Они, что, растворяются?”. “Нет, - сказал ангел, - Это Господь изымает”. Я говорю: “А почему? Почему Он этих оставляет, а тех изымает?” “Его родители покаяться, они прощены, и эта душа больше не будет свидетельствовать о них на суде. Она вернулась к Господу”.

“Господи! Как Ты велик, Господи, что ты и это прощаешь. Слава Тебе, мой Владыка!” Как только я прославила Господа, я увидела, что произошло. Эти мерзкие существа, эти демоны - они ополчились. Откуда-то появились здоровенные такие. Они все кинулись на меня с топорами, вилами, с каким-то орудием, но они натолкнулись, как на стеклянную стену, и были отброшены. Ангел сказал: “Здесь имя Бога запрещено. Его не произносят. И, если бы не воля Божья и не ограда, которую Он поставил, они бы тебя растерзали”.

Я опять возблагодарила Господа, что Он меня и там не оставил, куда послал. Он не оставил, Он наблюдал за мной. Я подняла глаза к небу, и я увидела Его на троне. Я увидела опять трон и одежды. Мне стало легко и свободно, что здесь в этом ужасе Его рука со мной. Он не оставил. Аллилуйя! Аллилуйя! Слава!

Мы спускались из круга в круг. В одном я увидела, как душу разрубали на куски два здоровенных демона в кожаных таких передниках с секирами. Они разрубали. Они медленно это делали. Они рубили душу, но крови не было. Была одна боль. Был вопль. Крови не было. Я говорю: “А почему нет крови?”. “Кровь принадлежит Господу”, - сказал ангел. Я вспомнила, что - да, ведь кровь, Христова кровь - она искупила многих. Я спросила: “Почему, почему их рубят на куски?” “Это те, кто делал разделение на земле”, - я получила ответ. Я говорю: “Как это? Какое разделение?” “Они разделяли семьи. Они делали разделение на работе. Они сводили людей для того, чтобы разорвать, сломать. Они делали разделение в церквах, семьях. Везде, где они появлялись, они служили себе и только себе. А теперь они ощутили разделение в полном объеме - теперь разделяют их. Вот так же по живому они рвали церковь. И опять я мысленно возблагодарила Господа и подняла глаза вверх, что этого не было, Господь и от этого охранял меня на земле; что даже мысли о разделении на земле у меня не было. Значит, я уже не попаду в этот круг. Аллилуйя! Я не попаду туда! Слава Господу!

Я видела православных священников. Я видела евангельских проповедников, католических священников. Каждый из них находился в своем собственном котле, под которым горел огонь; в этой мерзкой жидкости, похожей на смолу. Я говорю: “Почему?”. Я узнала одного из них. Я узнала. Я знала, что он был яркий проповедник. “А почему он здесь, не там наверху? Он же служил Богу”. Я услышала сверху голос: “Он никогда не служил Мне. Он служил себе. Только на

свой авторитет работал он. Так же, как пьяный батюшка. Так же, как извращенец священник католический. Они все служили только себе. Я поняла, куда они идут - те, которые служат в храмах, где колокола раскачивают демоны. А люди, слыша этот звон, идут. Они идут и беседуют о чем-то своем. Они не задумываются. Они зажигают свечи, и пламя в аду вспыхивает более ярким пламенем. Они идут. Это ужасно.

Когда я увидела евангельского проповедника, - я не называю его имени, но это имя я назвала священнослужителям. Не называю, потому что его дети - искренние христиане. Им готовится венец славы. Это имя знает Бог, и я его не назову.

Когда я спросила ангела: "А где же наши евангельские христиане, наши пятидесятники? Я хочу к ним". Я видела много знакомых лиц. Но мне было интересно, как они, где. "Где? - говорю. А он говорит: "Кто?" Я говорю: "Как кто? Ну, братья, сестры мои по вере. Ну хорошо, где тогда православные?" Ангел ответил: "А здесь нет ни тех, ни других. Здесь дети Божьи" Понимаете, друзья? На небе нет разделения. Там дети Божьи, и неважно, какой конфессии они были. Важно. Что было в их сердце, и кому они служили. Все, кто служили Господу Христу, они на небесах. И те, которые служили себе, в каждой конфессии, вот в аду они разделены. У них у каждого свой собственный казан со смолой. Это ужасно. Это ужасно. А ведь эти люди - они знали истину, но не поверили ей. Друзья, если вы знаете истину, не отмахивайтесь от нее. Поверьте, что все, что сказано в этой Книге, вот в этой Книге, - это все правда. Это все правда до последней точки.

Мы спускались дальше. Мы спускались до самого дна. В одном из кругов я увидела свою бабушку. Да, папину маму. Мою добрую, ласковую, замечательную бабушку. Демон вытаскивал щипцами ее язык. Щипцы раскаленные. От этих щипцов загорается весь язык, все тело, это все обугливается. И вот, когда прах должен развеяться и мучения прекратиться, оно опять - тот разжимал клещи, язык выпал, и на этом месте прах соединился и опять становилось все так же, и мучение продолжалось. Она кричала, но сказать ничего она не могла. Она смотрела выпученными глазами на меня и тянула руки. Я не могла этого вынести, потому что ей помочь я ничем не могла. Я не могла протянуть к ней руку и остудить ее язык. Оказывается, она клеветала. Она клеветала. Я поняла, почему с ней не дружили соседи. Это страшно говорить. Это больно говорить. Ее сын, мой папа, находился в раю. А его мама вечность пребывала там. Я не могла сдвинуться с места, и, если бы не ангел, я бы, наверное, все стояла и стояла там, плакала бы и кричала. Я кричала вместо нее.

Не знаю, как мы оказались еще ниже, но я увидела дверь. Комнату, а из нее дверь - черная, вымазанная как нечистотами. В эту дверь заходили люди, как мне показалось - потому что некоторые из них были прекрасно одеты; даже костюмы, похоже, как от Версачи там, или, наоборот, джинсы монтановские, спортивные; или нищие в рубищах; или девицы в ажурных чулочках. Но у всех у них были безобразные морды. Именно морды, друзья, не лица. Они приходили. Это демоны, которые ходят по земле, которые совращают людей. Они приходили отчитаться своему хозяину. Он сидел за закрытой дверью. Когда дверь приоткрывалась, я увидела тоже подножие трона. Он маскируется под Господа. Он тоже не хочет, чтобы видели его лицо. Но трон был безобразен. На него было гадко и отвратительно смотреть. Я зажмурилась, но я успела услышать, как они отчитываются, и как один демон в дорогом костюме с ноутбуком что-то вынул из кармана. Это что-то мне не было видно. Это что-то - была

душа. Я это поняла, когда он ответил: “Вот, хозяин, еще душа. Свяжи ее”. И дверь захлопнулась. Я не могла сдвинуться с места. Я спросила ангела: “Как это может быть? Еще один человек умер, и захватили?” Он говорит: “Нет. Иначе бы та душа находилась в одном из кругов. А этот еще живой. Он заключил завет. Он заключил завет. Продал свою душу. Теперь дьявол ее свяжет, отнесет на место, закует в оковы, а туда подселит демона. Этот человек встанет, будет ходить, будет делать свои дела. Но это уже будет не он. Его связанная душа будет сидеть в недрах. А демон, которому он отдал свою плоть, будет ходить по Земле вместо него”. Я вспомнила, как о злых людях говорят: “бездушный человек”. Бездушный, потому что там уже душа-пленница. Душа-пленница. Ее выпустит враг только тогда, когда ад отдаст души и море отдаст покойников. Так сказал Господь. Так Он записал. Когда встречаешь таких людей с пустыми, жестокими глазами, понимаешь, что именно о них Слово Божье говорит: “О подобных не молитесь, ибо они не за спасение”. До этого мгновения я не понимала. Господи, ну как же так? Чего-то я не понимаю. Ну почему не за спасение? Почему не за спасение? Да потому что они добровольно отдали себя. И настолько добровольно отдали, что их связал, связал враг. И в его теле уже живет подселенный демон. Семья все еще думает, что это их прекрасный папа, и удивляются, как он изменился за одну ночь. Коллеги думают, что замечательный их коллега, что с ним произошло, что он вот так переменялся, как, вроде, не тот человек. Удивляются. Ну, поудивляются, потом привыкают, что это ходячее зло. А это ходячее зло совращает других, подобных себе.

Я уже не хотела ничего видеть. Мне было так страшно и жутко, что я только боялась одного - быть низверженной в огненное озеро, которое мы проходили. Или в то озеро с нечистотами, в котором бултыхались души, пытаюсь выбраться, которые зывали к небесам, которые им были видны. Небожители не видят этого. Для них он закрыт. Они видят Землю и своих близких, за которых они молят. Приходят к подножию трона Божьего и молят Господа. И Господь посылает ангелов остановить грешника, если это возможно. А те в аду - они не имеют возможности даже предупредить своих близких, где они находятся. И как им ужасно, когда их близкие, вспоминая о них в годовщину их смерти, говорят хорошие слова: “как он свято жил, как он любил людей”. Если это не соответствует действительности, демоны измываются. Они усиливают пытки, и за каждое доброе слово о покойнике им становится еще хуже. Он оттуда кричит: “Молчите”. Но люди не слышат. Они лукавят. Ведь большинство знают, какой был покойник при жизни, и лукавят. Если вы знаете, что он при жизни был не таков, молчите. Молчите. Не усугубляйте его мучения. Или скажите правду о нем: “Да. Он не был свят. Он был грешен”. Скажите правду. Его пытки там не усилятся от этого. Они не ослабеют, но и не усилятся. Они останутся такими до прихода Христа, до суда. Я вспомнила, как я, когда была на похоронах заведомо неприятного человека. Но народная мудрость говорит: “О мертвых или хорошо, или ничего”. И, как правило, мы начинаем хвалить, не понимая, что им еще ужаснее от нашей лжи...

Я не заметила, как мы начали подниматься все выше и выше. Мы оказались опять возле этой завесы. Мы переступили порог завесы, и я вдохнула полной грудью этот фимиам. Он оживотворил меня. А ангел повернул меня лицом к завесе, легонько толкнул плечом и сказал: «Тебе пора».

Друзья мои, уходила я легко и свободно, но, когда я покатила вниз, это была такая боль. Я с болью влетела в свое тело. С болью и с криком. Но я устыдилась — по сравнению с адскими муками, это было не больно. Это можно было вытерпеть. Я замолчала. Но я услышала, что

кричит кто-то другой. Я открыла глаза. Подумала: «Кто это может так кричать?». И увидела: комната, кафельные стены. На полу сидит женщина в белом халате, халат мокрый. Рядом разлитое ведро перевернутое валяется, швабра. А она сидит и так показывает рукой: «Э-э, э-э-э». Она не просто кричит, она еще и стонет.

Я села. Мне было плохо видно. Я поняла: мне не зашили голову. Я говорю: «Ты что кричишь?». О, лучше бы я этого не спрашивала. Бедная женщина стала белая, как полотно. Я ей говорю: «Не бойся. Не кричи». Но она встала на четвереньки и так быстренько-быстренько - и в двери. Она выползла.

Мне холодно стало. Я стала осматриваться и увидела, что я прикрыта только одной простыней. На ноге у меня зеленкой написан номер истории болезни. На другой — имя и фамилия, и дата смерти. Я знала, как оформляют покойников. Я врач. Я не один день провела в морге, когда сдавала экзамены по анатомии и хирургии. Но почему я здесь? - подумала я, - Я ведь только что была на небесах. Ах, да, Господь сказал: «Ты вернешься». Что же делать дальше? Господи, Ты же не позволишь, чтобы меня разрезали на живую? Меня же сейчас вскрывать будут, - подумала я. У меня страшно заболел живот. Опустив глаза, я увидела разрез. Ага, меня уже пытались. Я зацепила рукой, а крови нет. Странно,- подумала я.

Когда услышала крик, какое-то движение за дверью, и дверь распахивается, входит хирург, который меня оперировал. Он махал перед собой рукой: «Нет, нет, нет, это невозможно». И замер — он увидел меня. Потом говорит: «А ну, ляг. Ты мертвая». Я укуталась в простыню и говорю: «Я живая». Он говорит: «Живая. Посмотри на свои руки, живая. Быстренько ложись». Я говорю: «Я не лягу. Там холодно». Я посмотрела на свои руки: ну да, трупные пятна. Синие, почти черные ногтевые фаланги. У меня в голове проносится: ну да, кровь не выступила из разреза. Значит, она уже свернулась. Не может быть. «Нет, - говорю. - Вы не правы, доктор. Вы не правы — я живая. Я вернулась». Этот профессор когда-то учил меня. Он говорит: «С тобой всегда были проблемы. Но такую проблему... И что с тобой теперь делать?» А я держу голову — голову, где нет куска, и говорю: «Наверно, зашить». «Ну да, зашить», - сказал профессор и вышел. Ну, ладно, не бросит же он меня здесь, - подумала я.

Через некоторое время началась какая-то суматоха за дверями. Зашли два санитары с каталкой и начали ругаться между собой: кто подкатит, кто будет держать за голову, кто за ноги; а вдруг покойник бросится; а вдруг это упырь — укусит и выпьет всю кровь. Я им говорю: «Я не буду кусаться. Я не упырь. И вообще я христианка. Вы понимаете?» - «Нет». Они толкнули каталку, которая ударилась об стол и встала наискосок, и мне показывают знаками (они со мной не разговаривали, они разговаривали только между собой, каждое слово перемежая нецензурным выражением): мол, пересаживайся на каталку сама. Я говорю: «Ну так отвернитесь», потому что написано в Слове Божьем: «Не обнажай наготы своей». Они это сделали с удовольствием, так как смотреть на труп - малоприятно. Но они вышли в коридор — вдруг они повернутся спиной, а я кинусь на них (это они потом уже мне рассказывали, когда меня выписывали). Они очень боялись подставить спину. Я пересела на каталку. Они заглянули, и опять началась торговля: кто где будет везти. В конце-концов на них накричали, и они повезли меня по коридорам. Весть разнеслась по коридорам. Меня довели до хирургии. Когда только поворачивали в коридор, все двери открывались, и все любопытные выглядывали, но, когда встречались с моим взглядом, тут же прятались и закрывали дверь.

Думаю: бояться, напрасно. Напрасно они бояться — я ведь живая.

Дома готовились к похоронам. Прошло 72 часа. Было непонятно, почему труп не отдают. "Вскрытие не провели, вскрытие не провели". Теперь ясно. Господь попустил все те проволоочки, потому что план Божий был — вернуть меня. Слава Господу! Слава Господу!

И, когда на третий день, в понедельник приехала моя семья с гробом, им сказали: «Вы понимаете, такое дело — тела нет». «Как нет? - удивились родные, - А куда же оно делось это тело?» «Оно живое. Ожило». «Ну что вы издеваетесь над людьми? Тут такое горе, а вы издеваетесь. Ну как труп через три дня может ожить?» - кричала моя мама. «Может». А муж кричал: «Я же сказал: она вернется. Она вернулась! Все в порядке».

Когда пытались в доме переставить мебель, чтобы, когда привезут гроб, поставить для прощания, он говорил: «Не трогайте, не трогайте. Татьяна приедет, она все сама расставит». И моя мать говорила: «Дожила — дочка умерла и зять тронулся».

Бедные дети. У нас еще было двое неженатых детей. Трое уже имели свои семьи. А двое — 12 и 13 лет. Они были дома. Бедные дети — им вначале говорят: мама умерла, потом: мама ожила. Но их больше устроил второй вариант. Поэтому, когда я приехала, младший сын немножко испугался. Через месяц меня выписали, но еще на теле были трупные пятна. Лысая мама с дыркой в голове — это была не та мама, которую он знал. Испугался, но взял себя в руки и подошел меня поцеловать, мой мальчик. Все пошло у нас своим чередом. Все хорошо, кроме одного...